

УДК 39(=82)(571.61/64)

*Аргудяева Ю.В.
Argudyaeva Yu.V.*

**Владимир Арсеньев
о русских крестьянах на юге Дальнего Востока России**

**Vladimir Arseniev
about Russian Peasants in the South of the Far East of Russia**

В статье рассматривается исследование русского народа юга Дальнего Востока России В.К. Арсеньевым. Охарактеризована краткая история появления во второй половине XIX в. первых русских крестьян, в том числе старообрядцев, в южной части дальневосточного региона России. Показан процесс их переселения, образования первых деревень, прослежены особенности и сложности адаптации в Приморье и Приамурье русских крестьян разной религиозной ориентации. Приведены дневниковые записи В.К. Арсеньева, характеризующие особенности жизнедеятельности первых русских крестьян на дальневосточной земле и помощь русских старообрядцев в исследовательской деятельности знаменитого путешественника.

Ключевые слова: *В.К. Арсеньев, юг Дальнего Востока России, русские, крестьяне, старообрядцы, переселения, адаптация, русские традиции в хозяйственной деятельности, межкультурные коммуникации*

The article considers the investigations of the Russian people by V.K. Arseniev. There is a characteristic of a brief history of appearing the first Russian peasants, including Old-Believers, in the southern part of the Far Eastern region of Russia. There is shown a process of their resettlement, formation of the first villages, there are traced the peculiarities and complexities of the adaptation of the peasants of different religious orientations in Priamurye and Primorye. The author of the article gives notes from Arseniev's diaries that characterize peculiarities of life activity of the first Russian peasants in the Far Eastern land and the help of Russian Old-Believers in investigations of a famous traveler.

Key words: *V.K. Arseniev, the south of the Far East of Russia, the Russians, peasants, Old-Believers, resettlement, adaptation, Russian traditions in economic activity, intercultural communications*

В сентябре 2017 г. исполнится 145 лет со дня рождения знаменитого исследователя Дальнего Востока – Владимира Клавдиевича Арсеньева. Известен круг его обширных интересов к различным областям знаний. Собранные им сведения во время его многочисленных исследовательских экспедиций по южной части дальневосточного региона по археологии, географии, геологии, зоологии, ботанике, этнографии и др. наукам нашли отражение не только в его публикациях, но и в его знаменитых рукописных дневниках. Интерес к этим сведениям огромен до сих пор. Разнообразные стороны деятельности В.К. Арсеньева и общая характеристика его рукописных материалов, хранящихся в разных архи-

АРГУДЯЕВА Юлия Викторовна, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** argudiaeva@mail.ru

вах страны, довольно подробно представлены в изысканиях ряда авторов [4; 21;30; 31]. Однако они почти не затронули изучение Владимиром Клавдиевичем русского населения дальневосточного региона, окончательно закрепившегося в Приамурье и Приморье в середине XIX в.

В предлагаемой статье используются преимущественно свидетельства из путевых дневников Владимира Клавдиевича, хранящиеся во Владивостоке в архиве Общества изучения Амурского края (ОИАК), в Фонде В.К. Арсеньева (Ф. В.К. Арсеньева). Частично эти сведения ранее опубликованы автором [1; 2; 3], однако некоторые материалы ещё нуждаются в интерпретации.

Южная часть Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в. представляла собой зону компактного и дисперсного расселения разных этнокультурных образований, среди которых выделялись группы аборигенного (тунгусо-маньчжурского и палеоазиатского), пришлого, преимущественно восточнославянского (русские, украинцы, белорусы) и восточноазиатского (китайцы, корейцы) населения. Среди них особое значение принадлежит русским, первыми из восточных славян пришедшим на Дальний Восток России ещё в XVII в. Русские, составляющие в настоящее время более 80% населения дальневосточного региона, первыми «принесли» на эти земли традиционную культуру восточнославянской общности. Являясь, таким образом, по численности и хозяйственно-экономическому потенциалу доминирующей частью населения края, русские оказались наименее изученными в этнокультурном отношении по сравнению с другими народами. Поэтому для нас важны свидетельства первопоселенцев и их потомков, которых застали исследователи дальневосточного региона в начале XX в. К таким учёным относится выдающийся путешественник и этнограф Владимир Клавдиевич Арсеньев, который в первой трети XX в. провёл свои знаменитые исследования Приамурья (бассейн Нижнего Амура и его притоков) и Приморья (Южно-Уссурийский край). Собранный им обширный этнографический материал позволил В.К. Арсеньеву создать ряд работ по этнокультурной истории дальневосточных народов, из которых наиболее изученными оказались аборигены – удэгейцы, орочи, нанайцы, нивхи, а среди пришлых народов – китайцы.

Специальных исследований восточнославянского, в том числе русского, населения Владимир Клавдиевич не осуществлял прежде всего потому, что это не входило в число непосредственных задач его путешествий. Однако полностью исключить проблемы русских в процессе полевых работ не представлялось возможным в связи с тем, что во второй половине XIX – первой трети XX в. шло интенсивное заселение южной части дальневосточного региона российским восточнославянским населением. К тому же В.К. Арсеньев среди прочих поручений постоянно получал от местного руководства задания по изучению колонизационной ёмкости того или иного малоисследованного района, куда предполагалось поселить представителей восточнославянского крестьянства и прежде всего русских.

Дальневосточное крестьянство сформировалось в ходе длительного переселения, оседания и смешения русских, украинцев, белорусов, их региональных и конфессиональных (официально признанные православные, старообрядцы, молокане, духоборы) групп из северных, центральных и южных регионов Центральной России, Урала, Сибири, Алтая, Забайкалья, с преобладанием в 1860–1870-х гг. русских.

Перед пришедшими на восточные окраины крестьянами прежде всего встала проблема адаптации к местным социально-экономическим, экологическим, демографическим, культурным условиям жизни. Для уроженцев разных российских регионов и их конфессиональных групп

она проходила неодинаково. Лучше всего и быстрее приспособлялись русские, а среди них – старообрядцы.

Первые русские крестьяне были переселены на р. Амур в 1855 г. на казённый счёт. Это были 50 крестьянских семей из числа русских, живших в Иркутской губернии и Забайкальской области (474 души обо-его пола), первоначально назначенные к переселению на Камчатку. Эти крестьяне были расселены в низовьях р. Амура между Николаевским и Мариинским постами, образовав новые селения: Мало-Михайловское, Больше-Михайловское, Иркутское, Богородское, Сергиевское, Воскресенское, Мариинско-Успенское, Сабах, Тебах, Тыр [22, с. 54, 252].

Второе крестьянское переселение на казённый счёт было произведено в 1859–1861 гг. при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н.Н. Муравьёве. К переселению на Амур было определено более 200 семей русских крестьян из «внутренних губерний» России. Это были 138 крестьянских семей из Вятской губернии, 50 – Тамбовской, 41 – Пермской, 14 – Воронежской, а также 4 семейства крестьян, «самовольно зашедших в Томскую губернию» из Орловской губернии; 3 семьи остались на зимовку в Иркутской губернии (ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191. Т. 1. Л. 367–374 об.).

Достигнув Хабаровки, переселенцы в 1860 г. расселились в девяти выбранных для них администрацией местах и образовали селения: Воронежское (из крестьян Воронежской губернии), Вятское (из крестьян Вятской губернии), Сарапульское (из крестьян Вятской губернии), Яблоновское (из крестьян Тамбовской губернии), Троицкое (из крестьян Вятской губернии), Пермское (Мылки) (из крестьян Пермской и Орловской губернии), Горин, или Тамбовская слобода (из крестьян Тамбовской губернии), Жеребцовское (или Бирминское) (из крестьян Вятской губернии), Мариинск (или Кизи) (из крестьян Вятской и Пермской губернии) (ГАИО. Ф. 24, оп. 10. Д. 191. Т. 1. Л. 367–374 об.). В июне 1861 г. прибыли отставшие в пути вятские крестьяне-переселенцы и на 61-й версте от Хабаровки вниз по Амуру образовали селение Малышевское (ГАИО. Ф. 24, оп. 10, Д. 59, карт. 1655. Т. 2. Л. 370 об.). Всего в эти годы здесь было водворено более 1 700 чел. (ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 191 б., карт. 2106. Т. 3. Л. 225 об.–227).

Прибытие в 1860-е гг. на Амур такой значительной группы русских не осталось незамеченным ни в социально-экономическом, ни в культурном развитии этого региона. Русские крестьяне принесли навыки земледельческой культуры, практически неизвестной до того времени коренным народам Амура, свои этнические традиции в материальной и духовной культуре, воспринятые, в определённой степени, впоследствии аборигенными народами. В то же время происходила межкультурная коммуникация русских с аборигенными амурскими народами – крестьяне восприняли от нивхов и нанайцев некоторые приёмы охотничьего промысла и добычи рыбы, использования средств передвижения и охотничьего костюма. Но в целом для крестьян стало очевидным, что места для их поселения определены неудачно. Плохое качество земли, обильные летние дожди, постоянные паводки, непроходимые таёжные заросли и другие местные природно-климатические условия, неприемлемые для развития хлебопашества и скотоводства, вынуждали большинство крестьян менять привычные земледельческие традиции на занятия различными промыслами – извозом, сенокошением, заготовкой впрок красной рыбы и связанными с этим производствами (бондарным, клёпочным). Однако некоторые из крестьян, несмотря на сложные природно-климатические условия, не оставили свои занятия земледелием. В этом отношении интересны сообщения В.К. Арсеньева о потомках амурских крестьян-первопоселенцев, выходцах из Вятской губернии

Д.В. Смирнове, Г.Д. Напольском и др., которые опытным путём добились неплохих результатов в хлебопашестве и огородничестве. «...Все они добросовестно и старательно вкладывали в эти опыты все свои знания и все свои силы, – сообщает В.К. Арсеньев, – ... Вот хотя бы результаты пятилетней работы Данилы Васильевича Смирнова... В 1921 году он с сыновьями распахал 3 десятины сеял ячмень, пшеницу 5 пуд., ярицу 5 пуд и горох 2 пуд, и овёс. Всё возило великоленно.... Но вдруг совершенно неожиданно пошли затяжные воды и хлеба его затопило. Не смотря на это Смирнов собрал: ячменя 30 пудов, гороху 8 пудов. Пшеницу, овёс и ярицу положило всю. Это несчастье не только не отбило охоту заниматься земледелием у крестьянина Смирнова, а наоборот придало ему ещё более энергии. На другой год он разработал старые 3 десятины и прибавил 2 новых. Всего 5 десятин. Дожди опять залили всё. Когда сбыла вода он собрал 32 пуда ярицы. Овёс затопило в цвету и он погиб на корне. Пшеницы удалось собрать только шесть пудов. На третий год он ... посеял ярицу, ячмень, овёс и пшеницу. Всё уродилось лучше, чем он ожидал.... А тут как на грех случилась эпизотия.... К концу борьбы с эпизоотией хлынули дожди и всё на пашнях погибло...Тогда Д.В. Смирнов стал делать опыты у себя на огороде в сел. Троицком, где почва глинистая и настолько тяжёлая, что её надо в сухом виде взламывать киркою. Прежде всего для удобрения ея на 1/2 десятины он сразу вложил 300 возов навоза, а затем ежегодно от 80 до 90 возов. Если три года не удобрять (это после 300 возов) то овощи не будут родиться. Без удобрения надо четыре чередующихся поля, из которых одно будет занято, а три будут отдыхать. Тут он сажал гаюлян, кукурузу, которые дали очень хорошие результаты. Получил хороший табак. Он установил что лучше всего родятся китайские бобы... Бобы чрезвычайно невзыскательны. Посевы бобов обещают развитие свиноводства...»¹ (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 30. Л. 207–211).

Однако часть крестьян, убедившись в неважных условиях хлебопашества на Амуре, стала проситься в более тёплые места Амурской и Приморской областей. Некоторым из них удалось переселиться в Амурскую область, хотя местное начальство этому всячески препятствовало. Более благосклонно относились к переселению на юг Приморской области – в районы бухты Ольга и оз. Ханка [2, с. 58–59]. В частности в 1863–1864 гг. около 200 чел. из недавно созданных в низовьях Амура селений переселились к заливу Св. Ольги на побережье Японского моря (ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 249. Карт. 1666. Т. 2. Л. 338 об., 340). Именно об этой первой группе крестьян из числа официально признанных православных мы находим записи в дневниках Владимира Клавдиевича.

Первыми в районе залива Св. Ольга в 1864 г. появились четыре крестьянских семьи (Ивана Пермякова, Ефима Жданова, Семёна Баранова и Пантелея Пестерева) из с. Пермское Софийского округа Приморской области В этом же 1864 г. в район гавани Св. Ольга переселилось (из селений Троицкое, Пермское (Мылки), Тамбовское и др. Софийского округа Приморской области) ещё более трёх десятков семей. Все амурские переселенцы расселились в ранее созданных здесь ссыльными, поселенцами и матросами посёлке Павловское (Фудин) и деревне Новинка и основанными ими селениях Пермское и Арзамасовка. Однако и здесь адаптация крестьян проходила в сложных условиях. В.К. Арсеньеву было известно, что частые и обширные наводнения местных рек обусловили в 1878 г. переселение 35 крестьянских семей из Новинки

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация дневниковых записей В.К. Арсеньева и других материалов, хранящихся в фонде В.К. Арсеньева, сохранены полностью.

и Пермского в пос. Шкотово Цимухинской волости Южно-Уссурийского края. В результате население Ольгинского стана значительно сократилось (А ОИАК Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 71 а об.). Оставшееся население, как и прежде, занималось земледелием (сеяли пшеницу, ячмень, гречиху, овёс), садили огороды, разводили скот (лошадей, крупный рогатый скот, овец, свиней), освоили таёжные промыслы. Однако постоянные наводнения рек Аввакумовка и Арзамасовка и возможность получить хороший заработок от занятий таёжными промыслами постепенно снижали уровень развития земледелия в этом районе.

С 1901 г. на Дальний Восток хлынул поток так называемых крестьян-новосёлов, которые по утверждённым 22 июня 1900 г. новым «Временным правилам для образования переселенческих участков в Амурской и Приморской областях» наделялись не 100-десятинным семейным наделом, как крестьяне-старожилы, прибывшие на Дальний Восток до 1900 г., а 15 дес. удобной земли на мужскую душу. Этот поток, особенно усилившийся в годы столыпинских реформ, формировался в основном из выходцев украинских и отчасти центральных земледельческих губерний России. Поскольку к началу XX в. открытые степные и полустепные места дальневосточного региона были уже заселены, новосёлам приходилось селиться либо в таёжной местности, либо на побережье Японского моря, в частности в Ольгинском стане, где они занимались преимущественно земледелием. *«Население стана, – отмечал В.К. Арсеньев, – состоит из крестьян-переселенцев из Европейской России преимущественно Киевской и Черниговской губ. И частью из переселенцев низовьев р. Амура...»* (А ОИАК Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 71 б). Большинство крестьян-переселенцев из бассейна р. Амур к этому времени оставили хлебопашество и стали заниматься таёжными промыслами, что и отметил в своём дневнике Владимир Клавдиевич в начале XX в.: *«У крестьян села Пермского и ...Павловского (Фудина) охота и рыбная ловля составляют почти главное занятие. Добыча охоты: мясо диких животных, зверовые шкуры и панты (молодые рога изюбрей и оленей)... Рыбный промысел. Ловится большей частью кета и сельдь...»* (А ОИАК Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 71 б). В начале XX в., по свидетельству В.К. Арсеньева, основную часть хлеба пермские крестьяне покупали у украинцев, живших южнее Ольгинского стана: *«Почти все крестьяне - охотники, добывающие себе значительные заработки убоем зверя. Это послужило к тому, что у них не было своих пашень и хлеб они покупали в Пхусуне у хохлов. Тут же сказались недостаточность земель удобных для пахоты, ибо долина р. В. Фудина заливалась постоянно водою после больших дождей»* (А ОИАК Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 36).

Охотничий промысел, по свидетельству В.К. Арсеньева, был особенно развит у крестьян Пермской деревни. Большой доход давала добыча пантов, молодых, ещё мягких рогов оленей, использовавшихся китайцами в медицинских целях. Об этом писал 24 июля 1906 г. в своём дневнике № 1 Владимир Клавдиевич: *«...Ценность пантов пятнистого оленя здесь в районе Ольгинского стана чрезвычайно высока 300 - 1200 руб...Братья Пятшины продали 5 пар пантов за 2200 руб...»* (А ОИАК Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 3. Л. 3 с об.). Излишки таёжной продукции крестьяне Пермской деревни продавали жившим здесь китайцам, которые на шаландах отправляли её во Владивосток.

В то же время у дальневосточных крестьян, продолжавших заниматься хлебопашеством, при обилии земельных угодий, значительное развитие получила захватно-заимочная система земледелия, при которой землю под пахоту и сенокосные угодья крестьянин захватывал столько, сколько мог.

Захватно-заимочная система хозяйствования позволяла вести освоение новых угодий с опорой на ранее созданные и уже обжитые населённые пункты. Со временем сезонные поселения разрастались в постоянные, как это имело место на Урале, откуда, скорее всего, и был перенесён этот опыт уроженцами Пермской губернии. Являясь одновременно малодворным поселением и формой землепользования, заимки основывались практически около каждой деревни. Были заимки и у крестьян Пермского селения, в частности, в пади Широкой у р. Арзамазовки, что и описал в своём дневнике В.К. Арсеньев: » *Р. Арзамазовка до П.[ади] Широкой. По долине крестьянские заимки и две фанзы корейцев. Крестьянские заимки молодые но богатые. Земли возделывается много преимущественно под пшеницу, гречиху и овёс. Земля у крестьян считается общественной, но пашет каждый где вздумал и сколько хочет. На заимках живут сторожа без особого достатка, но и не нищенствуют. Образованию здесь заимок послужили частые разливы р. Вай-Фудина и отсутствие удобных для пахоты земель близ Д. Пермской...*» (А ОИАК Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 35).

Крестьяне дер. Пермская стремились оберегать и охранять местные таёжные угодья, которые приносили им хороший доход. Это отметил в своём дневнике Владимир Клавдиевич: «...Около поста Св. Ольги есть село Пермское, образовавшееся из первых переселенцев для занятия Уссурийского края русскими. Крестьяне этого села народ трезвый и разумный. К охоте они относятся весьма серьёзно и что интереснее всего - заботятся о сохранении зверя, и вообще об охране дичи...Факт этот интересен потому что крестьяне в посту Св. Ольги, буквально оторванные от России и культурной цивилизации в течение 50 лет сами дошли до сознания о введении, если не законов, то хотя бы своих временных правил о рациональном ведении охотничьего хозяйства. И это в Сибири, где законов на охоту нет, и это в Государстве, которое до сих пор не ввело такой весьма ясной, простой, прямой, разумной меры...Крестьяне собрали сход и миром решили не бить: самок, телят... зимой самцов и в особенности осенью во время гона и рёва, не тревожить зверя весной когда самки тяжёлые или выхаживают молодняк. Кроме того крестьяне решили устроить заказник для чего сами установили условные границы и обязались там не охотиться...» (А ОИАК Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 с об., 3).

В.К. Арсеньев подметил ещё одну важную особенность в жизнедеятельности крестьян дер. Пермская, значительно удалённой от развитых центров Южно-Уссурийского края: «*Деревня Пермская. Старинная деревня, относится ко первоначальным поселениям русских людей в Уссурийском Крае. В настоящее время она немного как бы остановилась в своём развитии и росте. Причины тому опять таки то же что остановило жизнь и в заливе Св. Ольги (Изолированность во всех отношениях и отсутствие каких бы то ни было сообщений с западную частью Уссурийского края). Экономическое состояние Пермских жителей не составляет желать ничего лучшего. Эта деревня положительно может служить примером и образчиком для всех крестьян. В нравственном отношении - это все люди очень очень религиозные, сами они в Ольге построили церковь, содержат причт и добровольно, доброхотно поддерживают благосостояние церкви. Затем в деревне они выстроили школу, наняли учителя и всячески стараются дать образование своим детям. В каждой избе не только у ребятшек, но и у взрослой молодёжи - книги в роде популярной географии, хрестоматии. Все они почти грамотны, достаточно начитаны и развиты, вместе с тем они интересуются техникой применяя тотчас же у себя всё что можно из открытий в этом отношении, интересуются минералогией и даже ботаникой.*

Кабака у них нет и пьянства не бывает. Они стыдятся и преследуют того, кто позволяет [из] них ругаться площадною бранью. В довершении - гостеприимство, вежливость, солидность и положительность» (А ОИАК Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 35 с об., 36).

Вторая группа русских крестьян, о которой мы находим записи в дневниках Владимира Клавдиевича и других материалах фонда В.К. Арсеньева, – русские старообрядцы. Владимир Клавдиевич неоднократно бывал у старообрядцев как в центральной части горного массива Сихотэ-Алинь, так и в бассейнах рек, впадающих в Японское море и его бухтах. Впервые в его записях мы встречаем упоминание о старообрядцах во время его экспедиции 1906 г., которая описана им в путевом дневнике № 1 (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1). К этому времени в центральных районах горного массива Сихотэ-Алинь уже были старообрядческие деревни Загорная, Кокшаровка и Каменка. Но самая ранняя старообрядческая деревня Южно-Уссурийского края – Ильинка была основана в Ханкайской волости Южно-Уссурийского края около оз. Ханка в 1865 г. уроженцами Самарской губернии. К ней и к расположенной рядом старообрядческой деревне Петропавловке в 1870 г. переселились выходцы из Забайкалья, так называемые старообрядцы-«семейские»¹, пришедшие с Аянского тракта², который они обслуживали до закрытия (1867 г.) Российско-Американской компании. Другие компактные группы старообрядцев-семейских с Аяна образовали на р. Суйфун (ныне – р. Раздольная) дер. Красный Яр и на р. Монгугай (Барабашевка), деревни Алмазовку и Богословку. За семейскими в Южно-Уссурийский край стали переселяться и другие группы старообрядцев – из Вятской, Енисейской, Пермской, Томской, Саратовской, Самарской и других губерний, с Алтая, Амурской области [1, с. 28, 30].

К концу XIX в., по мере роста в крае населения и подселения «мирских» в старообрядческие деревни, семейские, как и другие староверы, уходили из своих деревень в самые глухие таёжные районы Южно-Уссурийского края – бассейны рек Уссури, Даубихэ (Арсеньевка), Улахэ (Уссури), Иман (Большая Уссурка), Бикин. В частности, старообрядцы дер. Ильинка переехали в дер. Красный Яр и дер. Осиновка Ивановской волости, староверы дер. Петропавловка – также в дер. Осиновка. Так было положено начало внутренней, в пределах Южно-Уссурийского края, миграции старообрядцев. Способность старообрядцев довольно быстро и основательно обустроиваться на новом месте высоко оценили некоторые чиновники переселенческого управления: к новым деревням старообрядцев они тотчас подселяли переселенцев-украинцев. Старообрядцы вновь бросали только что построенные жилища, разработанные уголья и уходили ещё дальше – в таёжные просторы южно-уссурийской тайги. Именно по этим причинам переехали все общество бывшие петропавловские старообрядцы дер. Осиновки в долину р. Даубихэ (Арсеньевки), где в 1887 г. образовали новое селение, дав ему прежнее название Петропавловка. Уже отсюда, из района Сихотэ-Алиня старообрядцы стали переселяться на практически незаселённое побережье Японского моря – в бухты и в бассейны впадающих в него рек Судзухэ, (Киевка), Кхуцин (Максимовка), Пея, Кема, Амгу, Светлая, Единка, Самарга и

¹ Термин «семейские» трактуется по разному: потомки старообрядцев, бежавших после раскола в Русской православной церкви в Польшу и поселившихся там по берегам р. Сейм или потому, что они были возвращены в Россию Екатериной II в 1764–1765 гг. семьями и водворены в Забайкалье. См.: Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII – XX вв. Новосибирск: Изд-во «Февраль», 1994. С.31.

² Аянский тракт соединял г. Якутск с портом Аян, расположенном на побережье Охотского моря.

др. Здесь забайкальскими, уральскими, алтайскими, сибирскими старообрядцами и их потомками, уже местными уроженцами, было основано несколько новых населённых пунктов, в которых они старались селиться прежде всего по религиозному (по согласиям и толкам) признаку. Население этих деревень и хуторов постоянно увеличивалось как за счёт новых семей старообрядцев, уходивших из центральных районов Южно-Уссурийского края от переселенцев-никониан, так и за счёт мигрантов-старообрядцев из западных и сибирских регионов России. Так, по сведениям В.К. Арсеньева, если в 1906 г. в старообрядческом поселении по р. Амгу¹ (в четырёхстах верстах севернее залива Св. Ольга. – Ю.А.) «... проживают в 8 дворах староверов в числе 34 мужчин и 23 женщин» (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 71 б с об.), то к 1907 г. численность населения этой деревни практически удвоилась: «Старообрядческая деревня Амагу состояла из восемнадцати дворов. Первые поселенцы (семь семейств) перекочевали сюда в 1900 г. с реки Даубихе. Живя далеко в горах, старообрядцы сохранили облик чистых великороссов. Патриархальность семьи, костюмы, утварь, вышивка на одежде, резьба по дереву и т.д. – всё это напоминало древнюю Русь...» (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 6. Л. 43).

Определяя колониционную ёмкость дальневосточных земель, В.К. Арсеньев, попутно, выявлял не только пригодные для образования новых деревень места, но и уже существовавшие поселения крестьян. Все они принадлежали старообрядцам, жившим преимущественно по берегам небольших рек, впадающих в Японское море. Так, он полагал, что по р. Сяо-Кема, где в 1907 г. уже жили старообрядцы, можно организовать деревню в 15 дворов (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп.1. Д.5. Л. 13 с об.), по р. Кусун – деревню в 50 дворов (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 5. Л. 22 об.).

Первое время В.К. Арсеньев относился к старообрядцам настороженно. Называя их энергичными, дальновидными, умными, честными, он в то же время считал, что под предлогом спасения души они уходят в тайгу ради наживы. Во всяком случае, в полевых дневниках В.К. Арсеньева, относящихся к лету 1906 г. и к 1907 г., записи о староверах носят негативный характер (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 31–31 с об.; Д. 6. Л. 56). Возможно, такая ситуация сложилась потому, что вначале он пользовался только рассказами промысловиков-китайцев о староверах (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 31), которые, в отличие от аборигенов, могли постоять за себя и нередко защищали представителей коренных народов.

Впоследствии, узнав лучше старообрядцев, В.К. Арсеньев уже не давал им нелестной характеристики. Он понял, что старообрядцы Южно-Уссурийского края уходили в другие места, прежде всего от общения с «мирскими», от их религиозных установок, от новшеств в духовной жизни, где они, как известно, всегда были непоколебимы в своих убеждениях.

Адаптация старообрядцев во многом была обусловлена конфессиональными установками, региональным происхождением, степенью использования опыта местных коренных и некоторых пришлых народов, успешностью взаимодействия с природной средой. Старообрядцы прошли разные этапы и темпы своей адаптации к местным социально-экономическим, демографическим и экологическим условиям жизни в Приморье. Им пришлось приспособлять свои этнические и хозяйственные

¹ В.К. Арсеньев называл реку Амгу в иных случаях как Амагу. Старообрядческую деревню, расположенную на берегу этой реки он обозначает то «Амагу», то «Богословка». По всей вероятности последнее название было перенесено с южного побережья Южно-Уссурийского края, где в 1870-е гг. поселились старообрядцы-семейские.

традиции, свой аграрный календарь к местной природно-климатической среде, преобразовывать или расширить сферу хозяйственной деятельности.

Определённую роль сыграли трудолюбие и психология русских, в том числе старообрядцев, выработавших способность противостоять трудностям, и свойственное всем русским, как считал В.К. Арсеньев, стремление к постоянному приобретению дополнительных знаний в области хозяйствования, быстрое обустройство на новом месте.

Особенно трудно шло приспособление к местным природно-климатическим условиям Южно-Уссурийского края – территории, включавшей и приханкайские степи, и горные хребты, и бескрайние таёжные просторы с довольно своеобразным климатом – с большими перепадами зимних и летних температур, с продолжительными дождями, паводками и разрушительными наводнениями в континентальной части региона. Своёобразием отличались природные условия и на побережье Японского моря. Но ни в одном из районов края старообрядцы не оставили полностью своё традиционное занятие – полеводство, стараясь распахать хоть немного десятин под хлеб, хотя условия для занятий хлебопашеством были разными. На побережье Японского моря В.К. Арсеньев увидел худшие условия для этой отрасли хозяйствования, чем в центральной части края: «...земля не тёплая, хотя и сырая, которая в свою очередь не нагревается вследствие прохладного лета, холодных туманов, бризов и холодных дождей...» (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 8. Л. 66), отметив наличие здесь сильных ветров в осеннее и в зимнее время (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 8. Л. 24 об.–25). В частности, староверам, жившим на р. Амагу (Амагу), для посева хлебных злаков пришлось менять свой аграрный календарь. Вот как об этом писал в 1907 г. в своём дневнике В.К. Арсеньев: «...В районе р. Амагу зима более суровая чем около залива Св.Ольги... Проводя параллель по широте здесь хлеба сеют в конце мая, тогда как у оз. Ханка и в области Анучина посев производится в конце Марта или в самом начале Апреля. Хлеба жнут в Амагу в конце Сентября, около Ханки в конце Июля. Надо считать, что в то время пока хлеб цветёт на Амагу в области Анучина (центральная часть края – на р. Даубихэ. – Ю.А.) его уже сжали и склади в зароды. Лето прохладное, отсутствие летних жаров, влияние бризов, облачное небо, частые туманы - вот причины столь позднего цветения деревьев и трав и созревание хлебов...» (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 8. Л. 24 с об., 27).

Помимо хлебопашества старообрядцы занимались сопутствующей земледелию отраслью хозяйства – скотоводством. Его, при отсутствии гнуса и обилии кормовых трав на побережье, по мнению В.К. Арсеньева можно было поставить на хорошую промышленную основу: «...У старообрядцев на р. Амагу очень много лошадей и крупного рогатого скота... Часть скота они продают на убой в Никольск Уссурийский для продажи или просто сдают мясо на военные суда... Все лошади крупные, рослые, кровные (есть карабахи и даже арабской крови). Лошадей они продают поселянам по цене довольно высокой» (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 5. Л. 66 с об.; Д. 7. Л. 85 с об.; Д. 8. Л. 50 об.).

Отметим, что в своей хозяйственной деятельности старообрядцы старались использовать все природные ресурсы южной части российского Дальнего Востока. Они стремились, насколько это было возможно, вести комплексное хозяйство, с успехом применяя как принесённые сюда традиционные приёмы, так и традиции аборигенных и других народов, живших на юге Дальнего Востока России. Там, где не позволяли природные условия, традиционное хлебопашество, как основной вид занятия, старообрядцы сменили на таёжные промыслы – охоту, ры-

боловство, сбор дикоросов (орехи, грибы, ягоды), пчеловодство, справедливо полагая, что эти виды хозяйствования в данных природно-климатических условиях принесут больше выгоды. Это увидел и справедливо оценил В.К. Арсеньев во время своих путешествий: «Они [старообрядцы] ...говорят зачем нам добывать деньги из земли, когда есть они и на поверхности, стоит их не лениться только подбирать. Земледелие даст богатые урожаи, река - рыбу на весь год, охота - мясо постоянно, скотоводство - молоко, сыр, масло, пчелы - мёд, соболь - лишнюю копейку на чёрный день, помимо покупок всего необходимого для жизни» (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 7. Л. 90 с об.). Староверы быстро поняли, что один из самых быстрых и доходных источников обогащения – соболевание. В связи с этим они использовали при охоте на соболя как известные им, принесённые из Сибири, русские способы добычи этого зверька, так и приёмы аборигенных и пришлых восточноазиатских народов. «Средство к жизни старообрядцев - соболевание всеми способами и китайским, и корейским, и гольдским в самых широких размерах...» (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 6. Л. 31 с об.; Д. 7. Л. 7 с об.), сообщил Владимир Клавдиевич в своих дневниковых записях за 1907 г, описав и сделав на полях дневников зарисовки корейского, а также ороцкого самострелов и ловлю соболей сеткой (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 7. Л. 11 об., 16, 18).

Хорошим подспорьем в жизнедеятельности старообрядцев была продукция, получаемая от охоты на таёжных животных (лось, изюбрь, кабан, косуля, медведь, рысь, енот, колонок, лисица, тигр и др.), а также на боровую (глухарь, рябчик, фазан) и водоплавающую (гуси, утки) дичь, с использованием самых разнообразных способов их добычи. Об этом есть немало записей в дневникаХ в.К. Арсеньева. Там же помещены сведения Владимира Клавдиевича и о развитии у старообрядцев рыболовства, в том числе о видах рыб и способах их добычи (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 6. Л. 41 с об.; Д. 7. Л. Л. 56 с об.–58 с об.).

Значительное развитие получило у старообрядцев и пчеловодство как в таёжной части Южно-Уссурийского края – на реках Даубихэ (Арсеньевка) и Улахэ (Уссури), где они держали до 300 ульев (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1379. Л. 225–226; Ф. 702. Оп. 5. Д. 236. Л. 3–4.), так и на побережье Японского моря. «Также хорошо у них поставлено и пчеловодство. Хозяева насчитывают улья сотнями...» (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 8. Л. 51), писал В.К. Арсеньев о старообрядцах, живших в прибрежных районах. Этот промысел, а также добыча в урожайные годы кедровых орехов позволяла старообрядцам значительно увеличить свои доходы.

В.К. Арсеньеву во время его путешествий, как уже говорилось, удалось зафиксировать многие аспекты повседневности, помогавшие жизнеобеспечению переселенцев, прибывших на побережье. В этом плане он обратил внимание на любознательность и наблюдательность старообрядцев, их стремление лучше узнать природно-климатические условия. Это высоко оценил В.К. Арсеньев, когда он лучше познакомился со старообрядцами. Отдельные наблюдения старообрядцев он зафиксировал в своих дневниковых записях. В частности, в одном из путевых дневников за 1907 г. Владимир Клавдиевич приводит ежедневные метеорологические наблюдения крестьянина-старообрядца из дер. Богословка на р. Амагу Игнатия Калугина за летний период 1907 г. (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 8. Л. 26 с об.).

От многих старообрядцев В.К. Арсеньев получал сведения об ареале распространения тех или иных таёжных растений, время их цветения и созревания плодов, их целебных качествах: «Старообрядцы с

*р. Амагу заметили, что ядовитые травы растущие на берегу моря не обладают той степенью ядовитости как растущие в глубине страны вдали от моря. Наприм[ер] “Борец” и “Чемерица” (Этим объясняется, почему иногда скот ест молоды побеги *Veratrum* на берегу моря)» (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 17 об.).*

Некоторые из старообрядцев, сообщая Владимиру Клавдиевичу сведения о повадках различных животных, о местах их обитания и ареале распространения, о времени прилёта и отлёта диких птиц, геологические, минералогические и другие данные, стали постоянными корреспондентами знаменитого путешественника. В частности житель Анучино старообрядец Терентий Калугин, которого В.К. Арсеньев высоко ценил за энтомологические знания, сообщил Владимиру Клавдиевичу в феврале 1915 г.: «...*Письмо Ваше от 11 февраля с. г. я получил, на которое честь имею ответить. Упомянутые Вами в письме горные козлы водятся: по р. Тудагоу в Ур. [очища] Паутова... За тем в вершинах Сандагоу по притоку речки Лудье там убивают ежегодно, но мне туда совершенно не приходится ходить, хотя я своим знакомым написал в дер. Каменку и Кокшаровку, что бы они позаботились достать как козлов так и красных волков. В окрестности Ур.[очища]Анучино красных волков совершенно нет. Но я надеюсь, что мои знакомые в Каменке и Кокшарове должны достать этих зверей. Чертёж от руки р. Тудагоу при сём прилагаю с указанием..., утёсов и Ур.[очища] Паутово Зимовье...» (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 3. Д. 44. Л. 5 с об.).*

В том же, 1915 г., со сведениями о времени перелёта диких птиц и местоположении отдельных диких животных, было отправлено старообрядцем Галактионом Черепановым письмо В.К. Арсеньеву: «... *Глубокоуважаемый Владимир Клавдич! ... Вы просили Алемпия насчёт птицы когда куда летит 1914 года весной гуся утки очень мало было когда шли на север мелкая птица шла очень поз[д]но и ужасно много. Осенью гуся утки и лебедя тоже мало шло а мелкой птицы куличков и разных пород тоже очень было много летели очень рано в 20 Августа до 26 сентября 1915-го года лебедя гуся и утки совсем мало было мелкой птицы тоже мало летит очень холодно. Ежели Вам нужно такое сведение то вы пошлите мне циркуляр как нужно описывать насчёт птицы я постараюсь. Вы ещё просили насчёт диких еманов хотя явного не знаю а маленько могу показать. У нас на горах около моря в Найне я видал рысь задавила .... на Белембе тоже орочен... убил я видал у него кожу он сушил, между Тавайзой и Ахобе тоже мы видали орочен убил маленького быка... Ещё на Виноградовке (В.К. Арсеньев подписал на “Даубихе” – Ю.А.) Евмен Калугин убивал я у него видал из него шапку, когда мы жили в Петропавловке тоже Филимон Бортников убивал вершине Лифы...» (А ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 3. Д. 44. Л. 13 с об.).*

Были и другие письменные сообщения старообрядцев как об ареале распространения тех или иных видов флоры и фауны, так и о различных природных явлениях, облегчающих или ухудшающих повседневную жизнь старообрядцев в Южно-Уссурийском крае.

Таковы основные черты жизнедеятельности в начале XX в. одних из первых локальных групп русских крестьян Приамурья и Приморья, описанные Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым во время его экспедиций в этот период. Эти экспедиционные материалы он использовал в своих публикациях [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11] лишь частично, поэтому нам так важны его полные записи, зафиксированные в полевых дневниках. Эти материалы путешественника и одновременно очевидца повседневных событий внесли неоценимый вклад в создание этнографического, исторического, религиоведческого корпуса сведений о русском населении южной части Дальнего Востока начала XX столетия и в значительной

степени послужили той основой данных, на которую неоднократно опирались в своих изысканиях российские этнографы, филологи, историки и другие исследователи [1; 2; 3; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 29; 32; 33].

Использование экспедиционных материалов Владимира Клавдиевича Арсеньева по русским крестьянам южной части российского Дальнего Востока современными этнографами и историками позволит им, с опорой на данные этого путешественника и этнографа, более объективно изучить особенности этномиграционных процессов на юге дальневосточного региона, в частности процессы формирования русского населения и его роль в создании на востоке страны постоянного населения, историю образования крестьянских поселений, особенности хозяйственного быта, материальной и, отчасти, духовной культуры, трансляцию русских традиций на восток России, межкультурную коммуникацию русского этноса с коренными и пришлыми (восточнославянскими и восточноазиатскими) народами и применить эти данные для современного понимания проблем экономического развития региона и создания на малозаселённом Дальнем Востоке демографического потенциала и демографической концепции, к разработке которой приступило сегодня российское министерство по развитию Дальнего Востока.

Литература

1. Аргудяева Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М.: ИЭА РАН, 2000. 365 с.
2. Аргудяева Ю.В. Этническая и этнокультурная история русских на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Кн. I. Крестьяне. Владивосток: ДВО РАН, 2006. 312 с.
3. Аргудяева Ю.В. В.К. Арсеньев – путешественник и этнограф. Русские Приамурья и Приморья в исследованиях В.К. Арсеньева. Материалы, комментарии. Владивосток: ДВО РАН, 2007. 272 с.
4. Азадовский М.К. В.К. Арсеньев – путешественник и писатель. Опыт характеристики. Чита: Читинск. книжн. изд-во, 1955. 87 с.
5. Арсеньев В.К. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901–1911 гг. Хабаровск: Тип. штаба Приамурск. военн. округа, 1912. 344 с.
6. Арсеньев В.К. За соболями. Скушчики пушнины на Дальнем Востоке. Владивосток: Книжное дело, 1925. 32 с.
7. Арсеньев В.К. Сочинения. Том I. По Уссурийской тайге. Владивосток: Примиздат, 1947. 400 с.
8. Арсеньев В.К. Сочинения. Том II. Дерсу Узала. Владивосток: Примиздат, 1947. 308 с.
9. Арсеньев В.К. Сочинения. Том V. Краткий географический очерк Уссурийского края. Владивосток: Примиздат, 1948. 320 с.
10. Арсеньев В.К. Сочинения. Том VI. Рассказы и очерки. Владивосток: Примиздат, 1949. 304 с.
11. Арсеньев В.К., Титов Е.И. Быт и характер народностей Дальневосточного края. Хабаровск; Владивосток: Книжное дело, 1928. 84 с.
12. Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII – XX вв. Новосибирск: Изд-во «Февраль», 1994. 148 с.

13. Болонев Ф.Ф. Амурская эпопея в XVII и XIX веках. Переселение старообрядцев (семейских) на восток России (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Ин-ут археол. и этногр. СО РАН, 2013. 250 с.
14. Бутковская Н.В., Шпак А.Ю. Успенская волость. Владивосток: Оладея, 2017. 554 с.
15. Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке. Вып. 1-ый. Заселение Дальнего Востока. Говоры. Творчество. Заселение русскими Дальнего Востока и современное их распределение (в связи с говорами) // Тр. ГДУ. Сер. 3, № 3. Владивосток: Тип. ГДУ, 1926. 72 с.; прил., табл., карт.
16. Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке. Вып. 3-й. Русские говоры Приморья (украинский, белорусский, русско-китайский и русско-туземный диалекты): с прил. диалектол. Программы для Дальневост. края // Тр. ГДУ. Сер.3, № 7. Владивосток: Тип. ГДУ, 1928. 95 с.
17. Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке. Фольклорно-диалектологический очерк. Вып. 4. Фольклор Приморья // Тр. ГДУ. Сер. 3, № 9. Владивосток: Тип. ГДУ, 1929. 115 с.
18. Егорчев И.Н. Публикация полевых дневников В.К. Арсеньева // Арсеньевские чтения. Материалы регион. науч.-практич. конф., посвящ. 115-летию ПГОМ им. В.К. Арсеньева (28–29 сентября 2005 г.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. С. 26–29.
19. Егорчев И.Н. «Согласно личного приказа Вашего Высокопревосходительства...». Секретные экспедиции Арсеньева. 1911–1913 гг. Владивосток: Дальневост. федер. ун-т, 2014. 292 с.
20. Егорчев И.Н. «Загадки» Дерсу Узала. Владивосток: Дальневост. федер. ун-т, 2014. 180 с.
21. Кабанов Н.Е. Владимир Клавдиевич Арсеньев, путешественник и натуралист. М.: Изд-во Москов. о-ва испытателей природы, 1947. 95 с.
22. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917): Ист.-демогр. очерк. М.: Наука, 1985. 264 с.
23. Караман В.Н. Улунгинское восстание старообрядцев 1932 г. // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Материалы второй междунар. научн. конф. 6–10 сентября 1999 г. Владивосток: Издат-во Дальневост. ун-та, 2000. С. 70–77.
24. Кобко В.В. Старообрядцы Приморья: история, традиции (середина XIX в. – 30-е гг. XX в.). Владивосток: ПГОМ им. В.К. Арсеньева, 2004. 213 с.
25. Ковальков А.П., Хохлов В.П. Силины. Сто сорок лет на Дальнем Востоке // Записки клуба «Родовед». Вып.3. Владивосток: б.и., 2000. 163 с.
26. Ковальков А.П., Хохлов В.П., Колягин В.В., Назарова Е.В., Колесников Н.В., Соболевская Е.В. Ольгинско-Шкотовский родословец. История в родословных и документах // Записки клуба «Родовед». Вып.15, кн. 1. Владивосток: Дюма, 2005. 481 с.
27. Ковальков А.П., Хохлов В.П., Аргудяева Ю.В., Горчаков В.В., Колягин В.В. Ольгинско-Шкотовский родословец. История в родословных и документах // Записки клуба «Родовед». Вып. 15, кн.2. Владивосток, б.и., 2006. 480 с.
28. Сем Л.И., Сем Ю.А. О «путевых дневниках» и «записных книжках» В.К. Арсеньева // Дальний Восток, 1972, № 8. С. 128–130.
29. Тарасова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. М.: Наука, 1985. 344 с.
30. Хисамутдинов А.А. Его звали Арсеньев-Уссурийский: Док.- ист. очерк // Записки Общества изучения Амурского края. Т. XXXI. Владивосток, 1997. С. 120–134.
31. Хисамутдинов А.А. «Мне сопутствовала счастливая звезда...» (Владимир Клавдиевич Арсеньев. 1872–1930 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2005. 256 с.
32. Яцкова И.Г. В.К. Арсеньев о старообрядцах // Алтарь России. Большой Камень: Омега, 1997. С. 74–77.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Argudyaeva YU.V. Staroobryadtsy na Dal'nem Vostoke Rossii. M.: IEHA RAN, 2000. 365 s.
2. Argudyaeva YU.V. Ehtnicheskaya i ehtnokul'turnaya istoriya russkikh na yuge Dal'nego Vostoka Roscii (vtoraya polovina KHIKH – nachalo KHKH v.). Kn. I. Krest'yanе. Vladivostok: DVO RAN, 2006. 312 s.
3. Argudyaeva YU.V. V.K. Arsen'ev – puteshestvennik i ehtnograf. Russkie Priamur'ya i Primor'ya v issledovaniyakh V.K. Arsen'eva. Materialy, kommentarii. Vladivostok: DVO RAN, 2007. 272 s.
4. Azadovskij M.K. V.K. Arsen'ev – puteshestvennik i pisatel'. Opyt kharakteristiki. CHita: CHitinsk. knizhn. izd-vo, 1955. 87 s.
5. Arsen'ev V.K. Kratkij voenno-geograficheskij i voenno-statisticheskij ocherk Ussurijskogo kraja 1901–1911 gg. Khabarovsk: Tip. shtaba Priamursk. voenn. okruga, 1912. 344 s.
6. Arsen'ev V.K. Za sobolyami. Skupshhiki pushniny na Dal'nem Vostoke. Vladivostok: Knizhnoe delo, 1925. 32 s.
7. Arsen'ev V.K. Sochineniya. Tom I. Po Ussurijskoj tajge. Vladivostok: Primizdat, 1947. 400 s.
8. Arsen'ev V.K. Sochineniya. Tom II. Dersu Uzala. Vladivostok: Primizdat, 1947. 308 s.
9. Arsen'ev V.K. Sochineniya. Tom V. Kratkij geograficheskij ocherk Ussurijskogo kraja. Vladivostok: Primizdat, 1948. 320 s.
10. Arsen'ev V.K. Sochineniya. Tom VI. Rasskazy i ocherki. Vladivostok: Primizdat, 1949. 304 s.
11. Arsen'ev V.K., Titov E.I. Byt i kharakter narodnostej Dal'nevostochnogo kraja. Khabarovsk; Vladivostok: Knizhnoe delo, 1928. 84 s.
12. Bolonev F.F. Staroobryadtsy Zabajkal'ya v KHVIII – KHKH vv. Novosibirsk: Izd-vo «Fevral'», 1994. 148 s.
13. Bolonev F.F. Amurskaya ehpopeya v KHVII i KHIKH vekakh. Pereselenie staroobryadtsev (semejskikh) na vostok Rossii (KHVIII – nachalo KHKH v.). Novosibirsk: In-ut arkheol. i ehtnogr. SO RAN, 2013. 250 s.
14. Butkovskaya N.V., SHpak A.YU. Uspenskaya volost'. Vladivostok: Oladeya, 2017. 554 s.
15. Georgievskij A.P. Russkie na Dal'nem Vostoke. Vyp. 1-yj. Zaselenie Dal'nego Vostoka. Govory. Tvorchestvo. Zaselenie russkimi Dal'nego Vostoka i sovremennoe ikh raspredelenie (v svyazi s govoram) // Tr. GDU. Ser. 3, № 3. Vladivostok: Tip. GDU, 1926. 72 s.; pril., tabl., kart.
16. Georgievskij A.P. Russkie na Dal'nem Vostoke. Vyp. 3-j. Russkie govory Primor'ya (ukrainskij, belorusskij, russko-kitajskij i russko-tuzemnyj dialekty): s pril. dialektol. Programmy dlya Dal'nevost. kraja // Tr. GDU. Ser.3, № 7. Vladivostok: Tip. GDU, 1928. 95 s.
17. Georgievskij A.P. Russkie na Dal'nem Vostoke. Fol'klorno-dialektologicheskij ocherk. Vyp. 4. Fol'klor Primor'ya // Tr. GDU. Ser. 3, № 9. Vladivostok: Tip. GDU, 1929. 115 s.
18. Egorchev I.N. Publikatsiya polevykh dnevnikov V.K. Arsen'eva // Arsen'evskie chteniya. Materialy region. nauch.-praktich. konf., posvyashh. 115-letiyu PGOM im. V.K. Arsen'eva (28–29 sentyabrya 2005 g.). Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2005. S. 26–29.
19. Egorchev I.N. «Soglasno lichnogo prikazaniya Vashego Vysokoprevoskhoditel'stva...». Sekretnye ehkspeditsii Arsen'eva. 1911–1913 gg. Vladivostok: Dal'nevost. feder. un-t, 2014. 292 s.
20. Egorchev I.N. «Zagadki» Dersu Uzala. Vladivostok: Dal'nevost. feder. un-t, 2014. 180 s.
21. Kabanov N.E. Vladimir Klavdievich Arsen'ev, puteshestvennik i naturalist. M.: Izd-vo Moskov. o-va ispytatelej prirody, 1947. 95 s.

22. Kabuzan V.M. Dal'nevostochnyj kraj v KHVII – nachale KHKH vv. (1640–1917): Ist.-demogr. ocherk. M.: Nauka, 1985. 264 s.
23. Karaman V.N. Ulunginskoe vosstanie staroobryadtsev 1932 g. // Staroobryadchestvo Sibiri i Dal'nego Vostoka. Istoriya i sovremennost'. Mestnye traditsii. Russkie i zarubezhnye svyazi. Materialy vtoroj mezhdunar. nauchn. konf. 6–10 sentyabrya 1999 g. Vladivostok: Izdat-vo Dal'nevost. un-ta, 2000. S. 70–77.
24. Kobko V.V. Staroobryadtsy Primor'ya: istoriya, traditsii (seredina KHIKH v. – 30-e gg. KHKH v.). Vladivostok: PGOM im. V.K. Arsen'eva, 2004. 213 s.
25. Koval'kov A.P., KHokhlov V.P. Siliny. Sto sorok let na Dal'nem Vostoke // Zapiski kluba «Rodoved». Vyp.3. Vladivostok: b.i., 2000. 163 s.
26. Koval'kov A.P., KHokhlov V.P., Kolyagin V.V., Nazarova E.V., Kolesnikov N.V., Sobolivskaya E.V. Ol'ginsko-SHKotovskij rodoslovets. Istoriya v rodoslovnykh i dokumentakh // Zapiski kluba «Rodoved». Vyp.15, kn. 1. Vladivostok: Dyuma, 2005. 481 s.
27. Koval'kov A.P., KHokhlov V.P., Argudyaeva YU.V., Gorchakov V.V., Kolyagin V.V. Ol'ginsko-SHKotovskij rodoslovets. Istoriya v rodoslovnykh i dokumentakh // Zapiski kluba «Rodoved». Vyp. 15, kn.2. Vladivostok, b.i., 2006. 480 s.
28. Sem L.I., Sem YU.A. O «putevykh dnevnikh» i «zapisnykh knizhkah» V.K. Arsen'eva // Dal'nij Vostok, 1972, № 8. S. 128–130.
29. Tarasova A.I. Vladimir Klavdievich Arsen'ev. M.: Nauka, 1985. 344 s.
30. KHisamutdinov A.A. Ego zvali Arsen'ev-Ussurijskij: Dok.- ist. ocherk // Zapiski Obshhestva izucheniya Amurskogo kraja. T. XXXI. Vladivostok, 1997. S. 120–134.
31. KHisamutdinov A.A. «Mne soputstvovala schastlivaya zvezda...» (Vladimir Klavdievich Arsen'ev. 1872–1930 gg.). Vladivostok: Dal'nauka, 2005. 256 s.
32. YAtskova I.G. V.K Arsen'ev o staroobryadtsakh // Altar' Rossii. Bol'shoj Kamen': Omega, 1997. S. 74–77.